

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

А. М. АЛЕКСАНКОВ	директор Центра развития инноваций Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук, доцент
Г. А. ГОНЧАРОВ	профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
Н. В. ДОРОХОВА	профессор кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
А. И. КОТОВ	специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук
Н. Н. НИКУЛИН	профессор кафедры экономики и менеджмента Академии труда и социальных отношений (Москва), доктор экономических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
В. В. ПАВЛОВА	ведущий научный сотрудник Научной школы «Теория и технологии менеджмента», доцент кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва), кандидат экономических наук
А. Ю. ПРИХАЧ	профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук
Е. С. САДОВАЯ	заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (Москва), кандидат экономических наук, доцент
А. А. ФЕДЧЕНКО	профессор Департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ (Москва), доктор экономических наук
Г. Ф. ФЕЙГИН	профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ, Почетный профессор СПбГУП
М. М. ХАЙКИН	заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор
Е. Г. ХОЛЬНОВА	заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП (2011–2023), доктор экономических наук, профессор
Н. Н. ЦВЕТКОВА	ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), кандидат экономических наук
Т. В. ЧУБАРОВА	заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН (Москва), главный научный сотрудник, доктор экономических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, как председатель Оргкомитета приветствую всех присутствующих на XXI Международных Лихачевских научных чтениях.

Впервые Лихачевские чтения состоялись 1993 году (которые тогда назывались «Дни науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов») по инициативе Дмитрия Сергеевича Лихачева и, по сути, под его научным руководством. Когда он стал Почетным доктором нашего Университета, мы вместе с академиком Лихачевым занялись рядом интересных

и важных дел. После кончины Дмитрия Сергеевича мы с Даниилом Александровичем Граниным обратились к Владимиру Владимировичу Путину с просьбой увековечить память Д. С. Лихачева. Довольно быстро был издан Указ № 587 от 23 мая 2001 года «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева», согласно п. 4 которого одобрено ежегодное проведение Международных Лихачевских научных чтений в Дни славянской письменности и культуры.

За последние двадцать лет Лихачевские чтения стали крупнейшим в мире международным гуманитарным

форумом, чем мы очень гордимся. За все время проведения Чтений было издано около пяти тысяч докладов, и мы будем продолжать эту работу.

Несколько слов по теме, сформулированной в названии секции, — «Экономика в контексте глобальных перемен». Наука, которой вы занимаетесь, стоит на пороге глобальных перемен. Когда-то В. И. Ленин сказал, что политика — это концентрированное выражение экономики. Экономике в марксизме определяли как базис, а культуру и политику — как надстройку. В этом усомнился Д. С. Лихачев и был прав. Сегодня, изучая культуру, мы можем сделать вывод, что экономика — это огромная подсистема культуры, связанная большим количеством связей с другими подсистемами.

Экономика и политика крайне взаимозависимы: перефразируя Ленина, можно сказать, что экономика — это концентрированное выражение политики. С моей точки зрения, в мире между экономикой и политикой сложились пагубные связи, а экономическая жизнь, включая экономическую статистику, деформирована идеологией.

Вчера на панельной дискуссии у меня состоялся спор с выдающимся российским дипломатом А. И. Денисовым, который долгое время был первым заместителем министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова (2006–2013), а потом работал послом в Китае (2013–2022). Я высказал мнение, что сегодня экономическая наука не обладает достоверным способом расчета ВВП. Еще 15 лет назад мы говорили об этом с ведущим отечественным экономистом О. Т. Богомоловым. Подтверждает этот тезис следующий пример: президент Франции Н. Саркози поручил двум нобелевским лауреатам по экономике посчитать ВВП Франции, но они не смогли этого сделать, так как запутались.

ВВП может быть рассчитан следующим образом: нужно применить методики и загрузить в компьютер статистику, который произведет вычисления и выдаст результат, что ВВП России составляет 1,8 % от мирового ВВП. Но когда Россия столкнулась с коллективным Западом (США, Евросоюзом и несколькими десятками стран), оказалось, что наша вроде бы ничтожная экономика реагирует на это столкновение положительно. А западная экономика обнаружила признаки банкротства, потому что США, монополизировав экономическую систему и печатая столько долларов, сколько захочется, стали крупнейшим должником в мире. Считается, что западная экономическая система — лучшая (эффективная, производительная и пр.), на территории западных стран сосредоточены огромные производства, но когда дошло до дела — куда делась их экономическая система? Они живут в долг и грабят весь мир. После начала спецоперации Россия свыше 50 % международных операций проводит без использования доллара и евро, а Китай — более 30 %.

У коллективного Запада есть такие образования, как НАТО, Евросоюз и пр. У России — БРИКС, куда входят страны, территориально расположенные далеко друг от друга, характеризующиеся слабыми связями и отсутствием единой военной системы, в отличие от НАТО. Но 36 стран выстроились в очередь, чтобы вступить в БРИКС. Американцы пытаются «вырвать»

из этой организации Бразилию и Индию, но ли вряд это получится. В ближайшее время в БРИКС вступит Саудовская Аравия. Население западных стран составляет 17 %, а все остальные поляризуются против них.

Потом окажется, что нужны новые методики подсчета ВВП (взамен имеющихся методов: производственного, использования доходов и формирования ВВП по источникам доходов). Допустим, арбуз выращивается в Астрахани, потом через пять перекупщиков продается в Петербурге. Как считать ВВП в данном случае — по произведенному продукту в Астрахани или доходам перекупщика?

А. И. Денисов, споря со мной, сказал, что уже сорок лет применяются точные методики. А как быть в том случае, если цены на западную продукцию будут определяться политически как высокие, а на сырье и то, что производят в России и других странах мира, — как низкие? Это не рынок. О каких объективных методиках можно говорить?

Мы находимся на пороге больших перемен, и сегодня при изучении экономики следует учитывать не только цифры и вчерашние методики, но и новые смыслы: биткоины, искусственный интеллект и пр. Экономика становится частью большой гуманитарной науки. И мне кажется, что будущее экономической науки нуждается в серьезной перестройке с учетом многих факторов, которые не относятся непосредственно к экономике. Иначе все расчеты бесполезны.

Сегодня здесь собрались выдающиеся ученые и молодежь. Надеюсь, что молодежь обеспечит нашему поколению достойное будущее. Позвольте поблагодарить вас за участие и пожелать успехов!

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Уважаемые коллеги, позвольте открыть работу секции «Экономика в контексте глобальных перемен». Сегодняшнее заседание будут вести Николай Николаевич Никулин, Марк Михайлович Хайкин и Григорий Феликсович Фейгин.

Нашу дискуссию уже традиционно откроет Анатолий Иванович Котов, представляющий Администрацию Санкт-Петербурга.

А. И. КОТОВ: — От имени губернатора Санкт-Петербурга и администрации города хочу поздравить вас с очередными Лихачевскими чтениями, которые проводятся уже в течение многих лет и стали замечательной традицией. Одна из особенностей Чтений — тот факт, что здесь обсуждаются вопросы и экономики, и культуры. Как экономист с многолетним стажем могу утверждать, что экономические успехи в очень большой степени зависят от культуры. И мы понимаем, что экономическая культура — это важный фактор в реализации любого проекта, и именно культура имеет мощный потенциал для повышения эффективности всей экономической деятельности.

Название кафедры «Экономика и управление» тоже говорит о многом. Экономика для управления — это база, на основе которой вырабатываются и просчитываются решения. А управленческое решение — важнейший инструмент продвижения вперед.

В 2022 году мы говорили о том, что против России введено беспрецедентное количество экономических санкций, но теперь их стало еще больше. Мы находимся на переломе экономических эпох, когда меняется вся система международных отношений, сложившаяся за многие десятилетия, прошедшие после Второй мировой войны. Новое пространство, которое сейчас формируется, придется осваивать вам, молодежи.

Расскажу подробнее о тех санкциях и ограничениях, которые создают новые условия для экономики и бизнеса. Любая деятельность сегодня выстраивается исходя из возможных последствий этих мер. Как на них реагировать, что надо делать уже сегодня?

Для достижения прогресса в экономике всегда необходимы три обязательных условия: инновации, инвестиции и модернизация. Это разные экономические категории, каждая из которых кардинально влияет на возможности социально-экономического развития и страны, и субъекта. Понятно, что санкции США — это попытка ограничить влияние России в мире и замедлить ее развитие. Поэтому главные события настоящего времени связаны не со специальной военной операцией на Украине, а с попыткой США сохранить статус-кво. В XX веке они сумели извлечь огромную выгоду и из Первой мировой войны, и из Второй, и из процессов восстановления стран, пострадавших в ходе войны, когда доллар стал основной валютой в международных расчетах. Но мир больше не устраивает американская гегемония, поэтому происходящие изменения носят объективный характер, и их успех зависит не только от России, но и от многих других государств. В частности, Китай, Индия, Бразилия и многие другие страны сегодня развиваются именно в этом контексте.

Весной 2022 года эксперты прогнозировали, что в России произойдет падение ВВП на 10–12 %, безработица увеличится на 8,5 %, а рост цен на услуги достигнет 22 %. Но все прогнозы не оправдались: наша экономика оказалась более устойчивой, чем все ожидали. Да, по итогам 2022 года ВВП сократился, но ненамного. Безработица тоже наблюдается, но, например, в Петербурге противоположная проблема — где найти работников. Рост цен оказался в три раза меньше, чем предсказывали, и есть вполне серьезные основания, что инфляция будет снижаться.

Тем не менее утверждать, что санкции никак не повлияли на российскую экономику, было бы неправильно и необъективно. Возникли проблемы в наиболее уязвимых отраслях — в сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности и сфере информационных технологий. Мы не можем обойтись без продуктов питания отечественного производства, и задача обеспечения населения продовольствием в целом решается. Но в связи с этим приходится тем или иным образом преодолевать множество возникших препятствий, например решать проблему банковских переводов. Руководители предприятий обрабатывающей отрасли сумели быстро переориентироваться и найти новых поставщиков технологий, оборудования и комплектующих — в Китае, Турции, Индии. Но мы понимаем, что надо развивать собственное производство всех нужных нашей промышленности элементов.

Очень важное условие экономического роста — инвестиции, и мы должны за них бороться. (Следует различать два понятия — развития и роста экономики.) Во-первых, мы должны понимать, что любые ограничения — это всегда появление новых возможностей для отечественного бизнеса. И мы видим, как наши предприниматели осваивают те рынки, на которых раньше преобладали иностранные компании. Активы продаются местному менеджменту, хотя и не очень охотно. Да, это не совсем нормально, тем не менее такие меры позволяют удержаться на плаву. Сегодня фактически вся экономика перестраивается с учетом этих процессов.

Правительственный план мероприятия по преодолению негативных последствий санкций, о котором я рассказывал в прошлом году, выполняется достаточно успешно. Это позволило нам демпфировать ситуацию, так что в 2024 году ожидается рост нашей интегральной экономики на 2–3 %. Причем это прогнозируют не только наши эксперты, но и Всемирный банк, и Международный валютный фонд. Это, наверное, главный результат российской экономической политики и предпринимательского сообщества. Потому что понятно, за всем этим стоят люди.

Разработка любой политики (промышленной, инвестиционной и т. д.) начинается с тщательного и разностороннего исследования сегодняшней ситуации и результата в будущем, в случае с инвестиционной политикой — анализа инвестиционной деятельности. Приоритетными объектами инвестирования являются создаваемые и модернизируемые основные фонды, то есть здания, дороги, заводы, школы и т. п. Если мы не вкладываем средства в основной капитал, то невозможны никакое развитие и никакой рост. Стратегии инвестиций в основные фонды, основной капитал — это инструмент, который создается в государстве и регионах. Все мы работаем по определенному плану, ориентированному на будущее, — только так можно добиться результатов. Но мы должны понимать, сколько инвестиций нам нужно и как они должны к нам поступать. Кроме основного капитала, объектом инвестиций может быть интеллектуальный капитал, финансовый рынок и т. д.

Принципы инвестиционной политики в России закреплены законодательно (и они, с моей точки зрения, отвечают самым современным требованиям), а направления включают государственную поддержку инвестиционной деятельности, специальные формы поддержки и повышение инвестиционной привлекательности. Все решения, которые мы принимаем, оформляются документально и размещаются на портале городской администрации.

Объем инвестиций в экономику города постоянно растет. Если в 2013 году было инвестировано 475 млрд рублей, то в 2021-м — 867 млрд. Все крупные проекты, в которые вкладываются эти средства, отражаются в Генеральном плане Санкт-Петербурга, а затем реализуются на основе специально разработанных документов в рамках системы территориального планирования.

В этом году мы будем принимать генеральный план развития Санкт-Петербурга до 2048 года. Это важный шаг, но затем нужно создать некие механизмы, чтобы

этот план стал по-настоящему рабочим документом. Для этого нужны инвестиции. Когда этот план будет реализовываться, мы увидим много разных объектов, которые будут строиться. На городском транспорте, включая метро, и на железной дороге предполагается внедрить самые современные инновации. Поэтому я обращаюсь к студентам: осваивайте экономику и управление в Университете, приходите к нам и принимайте участие в реализации наших амбициозных планов.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Инвестиции, безусловно, главный инструмент развития, но когда мы говорим о Петербурге в ближайшей перспективе, речь идет в первую очередь о частных инвестициях или государственных?

А. И. КОТОВ: — И о частных, и о бюджетных. Бюджетные средства мы расходует на инфраструктуру и социальную сферу — строительство и ремонт дорог, детские сады, школы и т. д. У города есть обязательства, и мы строго их выполняем. А 550 млрд рублей — это частные капиталовложения, которые еще надо получить. Для этого необходимы тщательно проработанные проекты, чтобы было понятно, каким образом они будут реализовываться. В целом Петербург сегодня является привлекательным объектом для инвестиций, но мы должны использовать этот фактор с наибольшей пользой. Бюджетных средств не хватает на все задуманное, и помощь частных инвесторов здесь очень кстати. Поэтому мы стараемся предлагать хорошо просчитанные проекты — такие, чтобы предприниматели знали, что от них требуется, и были уверены в перспективах.

М. М. ХАЙКИН: — Спасибо, Анатолий Иванович. Вопрос от студента, пожалуйста.

Александр ГИСЬ, III курс, экономический факультет: — Насколько мне известно, рынок инноваций в России не очень развит, в том числе из-за санкций, ограничивающих доступ к новым технологиям. Но в таком случае что может стать основой для инноваций?

А. И. КОТОВ: — Основой станут управленческие решения. Стратегия — это всегда в первую очередь управление, четкая ориентация на цели и формирование под них ресурсов. Поэтому я глубоко убежден, и ученые подтверждают, что нам нужно вернуться к науке, использовать все ее инструменты для того, чтобы определять цели, находить механизмы их достижения и определять эффективность выполнения задач. Но это и есть суть менеджмента. Успехов вам в профессии!

Вадим ХУДЯКОВ, I курс магистратуры, экономический факультет: — В Петербурге реализуется замечательный проект частного трамвая «Чижик». Как Смольный относится к продолжению сотрудничества с бизнесом в сфере городского транспорта? Будут ли новые концессионные соглашения?

А. И. КОТОВ: — Да, это удачный проект. Трамвай «Чижик» перевозит пассажиров в Красногвардейском районе. В настоящее время на таких же условиях мы строим школы и другие учреждения в Пушкинском районе. Благодаря государственно-частному партнерству (ГЧП) был построен Западный скоростной диаметр, а недавно началось строительство его восточного аналога под названием «Широтная магистраль». И уже практически принято решение о реализации второй очереди аэропорта «Пулково» — тоже на условиях ГЧП. Правда, проекты ГЧП требуют особенно тщательной разработки и планирования. Но без планирования невозможно никакое управление, а без управления мы не решим ни одной задачи государственного развития.

М. М. ХАЙКИН: — Слово предоставляется профессору Александру Юрьевичу Прихачу.

А. Ю. ПРИХАЧ: — Уважаемые коллеги, мы должны признать, что в сегодняшней ситуации международная конкуренция будет обостряться, в первую очередь потому, что США, как обычно, стараются «придавить» даже не тех, кто им вредит, а тех, у кого, на их взгляд, есть возможность это сделать. Поэтому они воспринимают Китай как своего реального конкурента и все время пытаются сделать что-то ему в пику. Так было всегда, причем американцы конкурируют во всех областях — экономике, идеологии и пр. Даже в символической сфере. Напомню, что СССР был первой страной, которая отправила человека в космос. Это был космонавт, и по принятым межкультурным нормам термин «космонавт» должен был стать универсальным. Но американцы выбрали другое слово — «астронавт». Красивое название, но не вполне логичное, потому что ни один астронавт пока не долетел ни до какой звезды, и в ближайшие 100–150 лет, наверное, этого не случится.

Еще интересный пример. Во время перестройки советские оборонщики поехали в США — познакомиться с заокеанскими коллегами, с которыми они столько лет соревновались. Их встретили, как это принято, приветливо, но во время банкета американцы признались: «Ребята, что вы натворили? Нам же бюджетные фонды урезали в два раза! Думаете, после этого мы будем к вам хорошо относиться?»

В последние годы тоже произошли события, свидетельствующие о противостоянии. После успешно проведенных Олимпийских игр заметно вырос престиж России как спортивной и туристической державы. Я тогда сразу подумал, что американцам скорее всего это не понравится и они что-нибудь предпримут. И действительно, вскоре разгорелся допинговый скандал. Хотя если объективно изучить, спортсмены какой страны употребляют больше всего «химии», то это с большой долей вероятности окажутся представители США.

Согласно Томасу и Киллману, конкуренция — один из пяти возможных способов управления конфликтом. Четыре других — приспособление, компромисс, избегание и сотрудничество. Какой из них более предпо-

чителен? Попытка уклонения лишь приведет к продолжению атак. Готовы ли американцы идти на сотрудничество? Вряд ли, они не видят в этом никакой выгоды для себя. То же самое можно сказать о компаниях. Остаются два варианта — приспособление либо конкуренция, то есть жесткое отстаивание своих интересов. Мы довольно долгое время пытались наладить отношения путем приспособления. В 1990-х годах российского министра иностранных дел Андрея Козырева американцы называли «мистер Да» (в отличие от советского дипломата Громько, который был «мистер Нет»). Но теперь мы перешли к другому стилю поведения — конкуренции, потому что, как выяснилось, того, кто приспособливается, рано или поздно раздавят.

Сегодня объем российской экономики составляет примерно 20 % экономики США. По сравнению с Советским Союзом соотношение стало заметно хуже. Почему? За постсоветский период мы потеряли многие конкурентные преимущества. В 1980-х годах основатель корпорации Sony Акио Морита в своей книге «Сделано в Японии» привел прогноз, сделанный японскими аналитиками. По их расчетам, к 2000 году 19 % мировой экономики будет приходиться на США, 12 % — на Советский Союз. Если учесть, что экономика РСФСР составляла около 60 % от экономики СССР, в начале XXI века доля российской экономики достигла бы 40 % от американской. Но этого не произошло, к тому же из-за снижения рождаемости, произошедшего в 1990-е годы, у нас сократилась численность населения.

Как совершенно верно сказал Анатолий Иванович, одной из важнейших составляющих конкурентоспособности и влияния является культура. Вспоминается публикация в американской газете, проиллюстрированная фотографией: араб с автоматом рассматривает афишу американского фильма. И заголовок: «Мы их бомбим, а они смотрят наши фильмы». Влияние? Бесспорно. Вот по этому влиянию мы пока сильно отстаем. Кинофильмов выпускаем меньше, чем в Советском Союзе, и качество их упало. Такое впечатление, что мы растеряли таланты. Более того, некоторые российские киностудии или дышат на ладан, или уже закрылись. Это не только наша проблема. Например, Китай пытается защитить свое культурное пространство от влияния США: они закупают строго ограниченное количество (два-три десятка) американских фильмов в год. Не могу сказать, стоит ли нам вводить подобные меры. Американцы свой кинорынок защищают немного по-другому: они не дублируют фильмы, а дают перевод бегущей строкой. Публике объясняют, что как фильм произведен, так его и надо показывать, но при этом у зрителя рассеивается внимание, становится труднее следить за сюжетом.

Сегодня, через тридцать с лишним лет после распада СССР, Россия отстает от многих стран в космической отрасли. Ресурс многих наших находящихся на орбите спутников в значительно степени выработан. Америка и даже Англия ушли далеко вперед по спутникам связи и другим микроспутникам, запуская их в большом количестве. Наши более тяжелые и, думаю, более функциональные, скорее всего, двойного и трой-

ного назначения, но об этом подробной информации нет. Сейчас начинается вторая лунная гонка. Мы еще не решили, станем ли вступать в нее. Пока непонятно, будет ли у нас космическая станция над полярной шапкой или атомный космический грузовик, хотя такие планы имеются. Отставание в космосе сильно снижает престиж страны.

Кроме этого, я считаю, что нам надо развивать свою микроэлементную базу. Здесь мы всегда отставали от американцев на одно поколение, но потом вообще отказались от этой гонки — решили использовать импортные комплектующие. Но, как выяснилось, это очень опасно. Однажды российский руководитель крупного предприятия в кабинете у своего японского коллеги — управляющего большим концерном, выпускавшим крупногабаритные станки, — с удивлением увидел, что одна стена заставлена экранами, по которым бегут какие-то цифры, движутся графики. «А что это такое?» — «Наши станки, проданные в разные страны. Мы через спутник их мониторим, получаем информацию о том, как они работают, в каких режимах». То же самое делают производители авиадвигателей. Они говорят, что в каждом их моторе должно быть шесть чипов, чтобы полноценно отслеживать их работу. Возникает вопрос: эти чипы только проводят мониторинг работы или позволяют отключить двигатель в полете? Поэтому нам, бесспорно, нужна собственная микроэлементная база. У нас производятся микрочипы, но пока не такого высокого уровня, как требуется. Тем не менее мы должны двигаться в этом направлении, преодолевая препятствия, как это сделал Китай.

Е. С. САДОВАЯ: — Уточняющий вопрос. Вы приводите сравнение по показателям ВВП, допустим, но мы давно говорим о том, что эти показатели все меньше отражают реальность. Ведь в каких-то странах при подсчете ВВП учитываются и услуги проституции, и доходы от наркотиков. У нас этого, к счастью, нет, но такие различия не позволяют сделать объективное сравнение.

А. Ю. ПРИХАЧ: — Согласен, все эти цифры достаточно условные. Проблема неоднократно обсуждалась. Приводился, в частности, такой аргумент: получается, что человек, продающий в США гамбургеры, делает вклад в ВВП больший, чем производитель чипов в Малайзии, — почему? Потому что различаются зарплаты и стоимость одних и тех же товаров. Есть другой критерий — паритет покупательной способности, но сравнение по этому критерию тоже не идеально, и опять-таки из-за различий в ценах. Так называемый индекс гамбургера тоже не очень надежный способ оценки. Плюс колебания валютных курсов. Например, рубль подешевел относительно доллара — и номинальный размер ВВП тоже меняется. Поэтому и приходится пользоваться условными показателями ВВП — за неимением других.

М. М. ХАЙКИН: — Слово предоставляется профессору Анне Александровне Федченко.

А. А. ФЕДЧЕНКО: — Я прочла все доклады, представленные на сайте, и пришла к выводу, что все они так или иначе затрагивают три аспекта: инновационность, креативность, когнитивность.

Мы давно живем не SPOD-мире и даже не в VUCA-мире. Сегодняшняя действительность — это VANI-мир, отличающийся очень высокой степенью неопределенности, нестабильности и непредсказуемости. Однако и в этих условиях приходится принимать управленческие решения. Мне близка позиция Ларисы Александровны Миэринь: важнейшей характеристикой текущего момента выступает скорость нарастания перемен. Скорость, с которой мы живем сегодня, не сравнима ни с какими предшествующими временами; ни одно поколение до нас не сталкивалось с такой неопределенностью своего будущего, даже ближайшего. Это приводит к смене просматриваемых концептуальных параметров, и здесь я вижу отражение российской ментальности.

Коллега Алексанков обращает внимание на проблему соответствия человека окружающей действительности и кризис модели развития социума. Действительно, все мы сегодня живем в кризисной ситуации, и нам предстоит найти пути выхода из этого кризиса. Потребности более высокого уровня не могут формироваться только благодаря воле индивидуума — они являются результатом коллективной деятельности на основе духовного развития.

Для принятия управленческих решений нужно учитывать российскую ментальность. Я не нашла определения российской ментальности и попыталась сама описать ее с использованием трех количественных индикаторов. Первый — рост числа внутренних и внешних туристов (показатель природообразования); второй — динамика числа изобретений во всех сферах деятельности (что связано с генообразованием); третий — рост контактов в социальных сетях (социообразование). С помощью индикаторов можно не только отслеживать текущую ситуацию, но и принимать управленческие решения на перспективу. Они могут быть полезны при разработке стратегии социально-экономического развития России и регионов.

В качестве своей установочной позиции я взяла на вооружение доклад Елены Георгиевны Хольновой. Она делает акцент на страновом человеческом капитале и доказывает, что те проблемы, с которыми мы сегодня столкнулись, негативно влияют на этот значимый фактор развития страны. Согласна также, что мы разделяем оптимизм относительно изменений в законодательной деятельности, касающихся новой концепции внешней политики. Экономика и право — тесно взаимосвязанные сферы; за рубежом даже создают специализированные библиотеки, общие для юристов и экономистов.

На человеческом потенциале также акцентирует внимание Татьяна Владимировна Чубарова. Этот ресурс во многом определяет и принятие эффективных управленческих решений, и стратегическое развитие. На повышение человеческого потенциала оказывают влияние не только технические, но и социальные ин-

новации, то есть новые идеи, институты, решение социальных проблем, изменение отношений в обществе.

Близкое к этому понятие — трудовой потенциал, то есть люди, в чьи задачи входит реализация принятых решений. Если человеческий потенциал учитывает и детей, и учащихся, то трудовой — это те, кто уже применяет на практике свои знания и навыки. Развитие трудового потенциала базируется на выявлении и использовании инноваций. В связи с этим хотелось бы выделить некоторые маркеры, характеризующие новую экономическую реальность. Эти маркеры — сокращение валового внутреннего продукта, о чем свидетельствуют данные Росстата; снижение доходов населения, то есть благосостояния и возможности удовлетворения материальных и духовных потребностей (правда, это сочетается с сокращением числа бедных); демографический кризис, обусловленный старением населения и выходом на рынок труда поколения, которое примерно на треть меньше предыдущего. И один из важнейших маркеров — экономическая безопасность, то есть способность защищать себя в условиях нового миропорядка. Чтобы эти маркеры стали устойчиво положительными, необходим комплексный подход. И все наши суждения и предложения тоже должны восприниматься в комплексе — только в этом случае можно добиться синергетического эффекта, что позволит принимать обоснованные управленческие решения, достигать хороших результатов и успешно вести страну к экономическому и социальному процветанию.

Анастасия МУХАНОВА, III курс, экономический факультет: — Анна Александровна, как Вы определяете российскую (или русскую) ментальность в контексте вашего выступления?

А. А. ФЕДЧЕНКО: — Прежде всего необходимо различать два понятия — российская ментальность и русская ментальность. В своем докладе я сделала ссылку на монографию, которая только вышла, и там описывается, что такое русская ментальность. Российская же ментальность имеет несколько аспектов, связанных с территорией. Огромная территория и многонациональный состав населения России формируют в людях определенные черты. Во-первых, у нас обычным делом являются межнациональные браки, когда в одной семье оказываются люди с сильно различающимся составом генов. Во-вторых, России пришлось пережить различные социально-экономические формации, поэтому чертой нашей ментальности стала терпимость к изменениям. Все это совокупно дает особый результат — современного россиянина с соответствующей ментальностью. Точное определение приводится в моем докладе, но его смысл я сейчас изложила.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Предлагаю выступить профессору Наталье Васильевне Дороховой. Прошу Вас.

Н. В. ДОРОХОВА: — Вчера и сегодня уже было высказано много соображений о проблемах и тех перспективах, которые возникают в экономике России в связи с теми переменами, которые происходят на

глобальном уровне. Глобальные вызовы, с которыми столкнулась наша страна, как уже много об этом говорилось на данной конференции, ставят перед нами амбициозные задачи, требующие немедленного решения. Это задачи, связанные с обеспечением суверенитета нашего государства, технологической независимости, дальнейшего социального и экономического развития. Для решения всех этих задач, естественно, требуются трудовые ресурсы. В России уже очень давно обсуждается проблема, связанная с дефицитом квалифицированных кадров. Большие надежды в связи с этим возлагались на пенсионную реформу, одной из главных целей которой было численное увеличение трудовых ресурсов. Но, к сожалению, уже сейчас эксперты существенно понизили ожидания от реализации этой реформы.

По официальным статистическим данным, в 2022 году общая численность рабочей силы в нашей стране составляла без малого 75 млн человек, в том числе 72 млн занятых. К счастью, уровень безработицы в России достаточно низкий — примерно 3,7 %, или 3,1 млн человек. Если ориентироваться на те прогнозы, которые дает Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, то к 2030 году нам понадобится дополнительно 2,5 млн работников, и дефицит рабочей силы ощущается уже сейчас.

В структуре занятого населения тоже наблюдается дисбаланс: в 2022 году доля молодежи среди работающих была всего 29,8 % с явной тенденцией к снижению. Для решения этой проблемы необходима разработка соответствующих управленческих решений. Рынок труда в Российской Федерации, как и вся экономика, переживает серьезную трансформацию. Если выделить основные направления таких трансформаций, то можно остановиться на следующих. Первое: рынок труда отвечает на происходящие изменения тем, что появляется все большее количество форм нестандартной занятости, и масштабы их применения все больше растут. Пандемия коронавирусной инфекции и связанные с ней ограничения дали колоссальный импульс распространению дистанционной занятости. Кроме того, динамично растет платформенная занятость.

Второе изменение, ярко выраженное на российском рынке труда, — структурные диспропорции по таким аспектам, как территориальный, отраслевой и профессиональный. Рынок труда в нашей стране сильно дифференцирован по регионам — от трудоизбыточных до трудодефицитных. Трудовая миграция активно развивается, но остаются ярко выраженные центры притяжения — как отечественных работников, то есть внутренних мигрантов, так и прибывающих из-за рубежа. Наиболее привлекательными по-прежнему являются Москва, Московская область, Санкт-Петербург. При этом многие регионы страдают из-за оттока трудовых ресурсов. В отраслевом плане, также из-за сильных различий в заработной плате и условиях труда, тоже отмечаются существенные передвижения. Ситуация с профессиями еще интереснее: складывается ситуация, когда многие из них становятся не востребованы, при этом все больше работодателей ищут специали-

стов в области цифровых технологий или сотрудников с цифровыми компетенциями. К сожалению, сфера образования не успевает оперативно реагировать на запросы рынка труда, и это еще больше усиливает структурные диспропорции.

Заработные платы сильно варьируются от региона к региону. Это одна из самых существенных причин привлекательности для потенциальных работников тех регионов, которые я назвала. Например, в Воронежской области, расположенной относительно недалеко от Москвы, уже много лет отмечается отток населения, особенно молодежи, именно в рамках трудовой миграции. В Воронеже много вузов, так что значительную часть населения составляют студенты — более 130 тыс. на город-миллионник. Но большая часть выпускников, получив диплом, уезжает из региона, не желая трудиться на наших предприятиях. Думаю, для других больших и малых городов России эта проблема тоже актуальна. Здесь, конечно же, требуются решения, связанные с повышением инвестиционной привлекательности российских регионов, созданием новых рабочих мест, которые будут интересны молодежи, и, конечно, с повышением уровня заработной платы прежде всего для молодых специалистов. К сожалению, Воронежская область входит в число регионов, где выпускникам высших учебных заведений предлагаются самые низкие в стране заработные платы.

Безразная и давно обсуждаемая проблема — очень сложная демографическая ситуация, которая не позволяет нам устранить дефицит трудовых ресурсов самостоятельно. Поэтому мы уже на протяжении длительного периода времени принимаем трудовых мигрантов. Упорядочивание, в том числе законодательное, и контроль миграционных процессов — одна из задач Евразийского экономического союза. Благодаря этой кооперации созданы условия для того, чтобы мигранты из стран — участниц союза активно к нам приезжали. По данным статистики, в российской экономике сейчас работает около 3,5 млн трудовых мигрантов. Но для того, чтобы миграция проходила безболезненно и спокойно, требуется огромная работа по культурной и социальной адаптации приезжающих, а также дальнейшее развитие межгосударственных отношений.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Слово предоставляется ведущему научному сотруднику Института востоковедения РАН Нине Николаевне Цветковой.

Н. Н. ЦВЕТКОВА: — Для меня высокая честь принимать участие в работе столь представительного форума российской интеллигенции.

Вчера на пленарном заседании были представлены доклады, в которых рассматривались, в частности, вопросы глобализации и деглобализации, касающиеся непосредственно темы моего выступления. Если в течение как минимум 25 лет развитие экономики и различных сфер жизни проходило в силовом поле глобализации, то начиная с середины 2010-х годов стали звучать идеи о кризисе глобализации и вероятности новых вариантов. В частности, в одной работе назывался та-

кой вариант, как разделение мира на острова, или фрагментация мировой экономики.

Начиная с середины 2010-х годов можно выделить основные вехи этого процесса. В 2014 году были введены антиросийские санкции, в 2017-м началась торговая война между США и Китаем, в результате которой под удар попали такие китайские компании, как Huawei. В результате Huawei, которая могла занять одно из лидирующих мест в мире на рынке смартфонов, не смогла этого сделать, и выдвинулись другие китайские компании, такие как Xiaomi и BKK Electronics, бренды которой, Oppo и Vivo, широко известны. После 2020 года произошли перемены, вызванные пандемией коронавируса, которая привела к колоссальному росту спроса на цифровые сервисы и ускорению развития цифровой экономики. Оказались востребованы онлайн-торговля, электронные платежи, удаленная работа, дистанционное и онлайн-образование, телемедицина, онлайн-игры или просмотр видео, потому что люди были заперты дома. Все это привело к значительному росту сервисов цифровых компаний и онлайн-платформ.

Последний этап, который начался с 2022 года, характеризуется фрагментацией мировой экономики и разделением мира на блоки. Несмотря на происходящие процессы, существует большая взаимозависимость между Китаем и США. В 2008 году даже употреблялся термин «G2» («группа двоих») — Китая и США, потому что многие товары американских корпораций по сей день производятся в Китае.

Опыт взаимодействия России с Евросоюзом позволяет думать, что высокий удельный вес одной группы партнеров в экспорте или импорте другой не препятствует разрыву экономических связей. В 2013 году доля Евросоюза в экспорте России составляла порядка 50 %, в импорте — примерно 41 %, а для ЕС Россия была третьим партнером после США и Китая. И все эти связи сегодня разорваны, то есть тесные связи не являются препятствием для фрагментации мировой экономики. Когда мы слышим о фрагментации мировой экономики, проблема заключается в том, что Россия на своем острове не одна.

Теперь я хочу перейти к теме онлайн-платформ, которые в современном мире играют важную роль. Существуют крупные и небольшие онлайн-платформы, которые используются во многих сферах, платформы, которые действуют на коммерческой или некоммерческой основе. Важно, что сегодня нельзя однозначно говорить о доминировании онлайн-платформ западных стран: по числу онлайн-платформ и их доходам первое место занимают США, а второе — Китай. Когда говорят о крупнейших онлайн-платформах, то для американских цифровых гигантов используется аббревиатура GAFAM (Google, Amazon, Facebook¹, Apple, Microsoft) или GAMMA (Google, Amazon, Microsoft, Meta², Apple). Этим компаниям успешно противостоят компании из Китая, для китайских онлайн-платформ используется аббревиатура BAT (Baidu, Alibaba

¹ Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена на территории России.

² Деятельность компании Meta запрещена на территории России.

и Tencent). Следует отметить, что рыночная капитализация онлайн-платформ и крупнейших цифровых мегакорпораций колоссально увеличилась в период пандемии коронавируса.

Несколько слов о России. В период с 24 февраля 2022 года многие из вышеназванных компаний заявили об уходе из нашей страны. Серьезная проблема для России — зависимость от импорта программного обеспечения и технологического оборудования в сфере информационных технологий. И несмотря на то, что эти компании хлопнули дверью, в апреле 2023 года доля Windows на рынке операционных систем России составила 82 %, доля Apple — 31 % на рынке мобильных телефонов в России. Несмотря на это, значительно повысилась роль китайских компаний.

Вывод: России необходимы инновации, развитие и финансирование собственных исследований, вложение средств в подготовку молодого поколения и импорт ПО из дружественных стран.

Александр МИШАРОВ, IV курс, экономический факультет: — В СМИ было заявлено, что после начала СВО Россия активно поддерживает российские IT-компании, предоставляя им преференции в виде нулевых налогов и пр. А как развиваются в России программное обеспечение и онлайн-платформы?

Н. Н. ЦВЕТКОВА: — В России есть онлайн-платформы, в том числе в сфере электронной торговли. Что касается операционных систем, то разработана первая российская мобильная операционная система «Аврора», которая используется, на мой взгляд, вполне успешно, в сфере программного обеспечения. Программное обеспечение для предприятий ИС может заменить немецкие разработки, такие как система ERP (Enterprise Resource Planning). Но, конечно, существует и много проблем, в частности на рынке аппаратного обеспечения, производства техники и прочие, которые, надеюсь, будут решены.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Сегодня прочитала новость, что запрещен экспорт в Россию порядка 80 программных продуктов Microsoft.

Н. Н. ЦВЕТКОВА: — Вообще компания Microsoft довольно давно объявила о сокращении своего бизнеса в России. Но существуют пути обхода таких решений. Доля Microsoft на российской рынке — 82 %, прежде всего это программное обеспечение для персональных компьютеров, а не для суперкомпьютеров. Специалисты, работающие в сфере IT, говорят, что на такой случай должны существовать резервные решения, хотя все равно это будет болезненно. Считаю, что наиболее критическая сфера — это операционные системы, которые производит далеко не каждая страна. Что касается самих компьютеров, то возможен их экспорт из дружественных стран. Сегодня компьютеры производит даже Вьетнам.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Нина Николаевна, вы сказали, что тесные взаимосвязи между странами не явля-

ются препятствием к фрагментации. Но не кажется ли Вам симптоматичным, что торговая война между Китаем и США, начавшаяся в 2017 году, завершилась подписанием в 2020-м соглашения. Например, 40 % Volkswagen составляет китайский рынок, поэтому как бы Запад ни конфликтовал с Китаем, отказаться от такой доли рынка будет невозможно. Обратите внимание на осторожную позицию, которую сегодня занял Китай: несмотря на то, что он не присоединяется к антироссийским санкциям, отдельные китайские компании не работают с российским рынком. Тесные связи препятствуют фрагментации, потому что их нельзя быстро разорвать, в отличие от США, которые инициировали большое количество санкций, так как наши экономики мало пересекаются. Не кажется ли Вам, что это неоднозначный вопрос?

Н. Н. ЦВЕТКОВА: — Я с Вами согласна. Речь идет не о фрагментации производства, потому что она существовала и раньше, например глобальные цепочки стоимости. Высказывается мнение, что развивается фрагментация мировой экономики, происходит ее разделение на блоки, которые, возможно, будут враждебны Западу, что его и беспокоит.

Что касается взаимозависимости Китая и США, то она очень велика. Однако замечу, что доля российского экспорта газа в Европу тоже была высока, европейские страны в значительной степени зависели от российского газа. Тем не менее связи разорвали, хотя и не одновременно.

Создается впечатление, что в современном мире геополитика одержит верх над экономикой и экономической взаимозависимостью. Так, между Китаем и Тайванем существует тесная экономическая интеграция и взаимозависимость. Например, экспорт с Тайваня электронных компонентов для производства цифрового оборудования в Китай и Гонконг составляет около 60 %. Но станет ли этот фактор значимым для мирного решения тайваньского вопроса и кто это может гарантировать? К сожалению, нет. Тайваньские компании присутствуют на китайской территории. Известный пример — сборка американского оборудования на китайской территории филиалами тайваньских компаний, в частности холдинг Foxconn. Сейчас они пытаются диверсифицировать производство. То есть тесная взаимозависимость не является препятствием для внешнеполитических противоречий. Но окончательный ответ на этот вопрос может дать только время.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Слово предоставляется кандидату экономических наук Валентине Васильевне Павловой.

В. В. ПАВЛОВА: — На предыдущих Лихачевских чтениях много выступлений было посвящено вопросам занятости в глобальном аспекте. И в этот раз данная тема тоже является актуальной, потому что касается каждого из нас. 2021 год был отмечен рекордно низким показателем уровня безработицы. Но санкции, которые были объявлены после февраля 2022 года, внесли свою лепту. По прогнозам, безработица к кон-

цу 2022 года должна была составить 9 %. На самом деле по итогам 2022 года показатель безработицы был ниже — 3,96 %, следовательно, прогнозы не оправдались. Анализ причин, повлиявших на снижение уровня безработицы, показал, что одним из факторов является развитие нестандартных форм занятости, в том числе самозанятости, платформенной, удаленной занятости и пр.

В числе ключевых трендов на рынке труда выступают дестабилизация занятости и индивидуализация отношений занятости, то есть отношения между работодателем и работником. Мы будем говорить о цифрах, которые выводятся на основе экспертных оценок, потому что Росстат пока не ведет учет платформенных занятых.

Платформенная занятость и платформенная экономика развиваются очень бурно, темпы роста составляют порядка 17 % в год. Платформенная занятость характерна для сферы услуг, ее доля составляет примерно 6 % ВВП России — это серьезный развивающийся рынок. Если мы говорим о трудоспособном населении в возрасте от 18 до 72 лет, то порядка 14,7 % россиян имеют опыт платформенной занятости, причем основная занятость на платформах составляет 2,4 %. В 2022 году делались прогнозы, что к 2030 году численность платформенно занятых составит 15 млн человек, а уже сегодня 15 млн людей тем или иным образом заняты в этой сфере. Таким образом, можно говорить о том, что в период нестабильной экономики платформенная экономика теоретически может играть демпфирующую роль, позволяющую сглаживать колебания в доходах и позитивно влиять на снижение уровня безработицы.

Преимущества нужно использовать, над выявленными недостатками — работать. Если раньше мы говорили о том, что платформенная занятость в большей степени характерна для старшего поколения (пенсионного и предпенсионного возраста), то сейчас в значительной степени в качестве основной и эпизодической занятости на платформах отметились студенты. Это серьезное изменение в возрастной структуре платформенной занятости. Студентам это позволит попробовать себя в профессии и решить, подходит ли она им. В то же время платформенная занятость позволяет приобрести определенный опыт, тем самым удовлетворив требование работодателей — наличие трудового стажа на момент трудоустройства.

Пандемия высветила основные проблемы платформенной занятости не только в нашей стране, но и во всем мире. Прежде всего это проблема социальной защищенности. Международная организация труда в 2021 году в докладе «Перспективы занятости и социальной защиты в мире: роль цифровых платформ, платформ цифрового труда, преобразование сферы труда» уделила большое внимание именно разработке материалов по социальной защищенности платформенно занятых. В марте этого года административный совет МОТ принял решение, что международные конференции в 2025–2026 годах должны рассмотреть вопрос о достойном труде в сфере экономики цифровых платформ. Это будет первый общемировой нормативный акт в данной области.

В России сегодня наблюдается серьезный прорыв в сфере платформенной занятости. Если в прошлом году мы говорили о том, что не решены вопросы социальной защищенности платформенно занятых и нет нормативных документов, то в этом году уже можно говорить о проекте внесения изменений в Закон «О занятости населения в РФ». В законопроекте большое место уделено платформенной занятости, где рассматриваются такие вопросы, как создание реестра цифровых платформ, где все должны зарегистрироваться, рекомендации клиентам платформенно занятых, гарантирование таким работникам размера вознаграждения и условий работы (в частности, оплата должна быть произведена в течение трех дней после реализации заказа), вопросы добровольного пенсионного страхования и пр.

Еще один важный аспект — разрешение споров между платформой и платформенно занятыми. Предполагается, что должен быть создан объединенный совет платформенно занятых, в который на добровольной основе должны войти все платформы. Рассматриваются четыре направления, по которым возможно обеспечение социального страхования платформенно занятых и самозанятых (потому что на платформах в основном работают самозанятые). Сегодня ведется дискуссия, но в основном все склоняются к тому, что будет реализован третий вариант: вовлечение самозанятых в систему негосударственного социального страхования за счет повышения активности платформ, формирование привлекательных схем страхования, условий тарифов социального страхования и стимулирование тех платформ, которые войдут в систему страхования.

В России одним из крупных представителей платформенной занятости является «Яндекс.Такси». Они страхуют водителей и курьеров от несчастных случаев во время исполнения заказа на 2 млн рублей. У других крупных агрегаторов тоже есть страхование. Совместно со страховой компанией «Манго» запущена программа с аналогом больничного для прямых партнеров, то есть водителей и курьеров в статусе самозанятых и ИП. Еще один пример реализации социального страхования — «Ситимобил» совместно со «Сберздоровье» реализовали пилотный проект, в рамках которого водитель получает бесплатный доступ к медицинским услугам сервиса для себя и членов своей семьи. Но нужно сказать, что такое страхование для платформ должно быть добровольным, потому что оно по силам крупным агрегаторам, а небольшие платформы могут не выдержать такой конкуренции и нагрузки.

Назову проблемы онлайн-платформ с точки зрения социального страхования: информирование занятых о социальных программах и социальных проектах, реализуемых крупными платформами, обмен данными с государственными органами и импортируемость данных с одной платформы на другую. Важным аспектом дальнейшего развития платформенной занятости является социальный диалог.

Крупные компании, имеющие свои платформы, которые представлены на рынке, создали Совет цифровых платформ. Подписана Хартия о принципах развития платформенной занятости в России, согласно которой компании готовы информировать исполнителя

о социальных гарантиях, обеспечивать для всех исполнителей равные условия доступа на платформу, расширять географию присутствия платформ и в постоянном диалоге создавать иные благоприятные условия для развития данного сегмента.

Н. Н. НИКУЛИН: — В связи с существованием международного рынка труда и международных платформ следует отметить проблему оттока квалифицированных российских кадров. Сегодня пытаются вернуть (в том числе с помощью налогов) тех, кто работает в российских компаниях удаленно из других стран. Международные платформы имеют возможность реализовать «утечку мозгов» из России. То есть в привлечении международными платформами квалифицированных кадров из России, Индии и других стран присутствует негативный момент. Что Вы скажете по этому поводу?

В. В. ПАВЛОВА: — Такая проблема существует, потому что цифровые платформы не имеют границ и жестких ограничений участия. Кроме того, запреты не дают серьезных результатов. Значит, нужно рассматривать экономические механизмы. Сейчас принято говорить в основном о преимуществах, которые предоставляют платформы, поэтому платформенную занятость надо сохранять. Такие экономические механизмы, как социальное страхование и налогообложение, могут дать позитивные результаты. И в этом направлении есть подвижки, например подписана хартия, мы движемся в этом направлении, создавая условия на платформах. Административно эта ситуация будет решена в ближайшем будущем.

Н. Н. НИКУЛИН: — Валентина Васильевна, я хотел бы вернуться к проблеме, о которой сегодня уже говорили докладчики. Современный рынок труда — динамичный и постоянно меняющийся, как и сфера образования, деятельность профессиональных образовательных учреждений. Как образованию и образовательным учреждениям поспеть за меняющимся рынком труда?

В. В. ПАВЛОВА: — С точки зрения занятости образовательные учреждения играют не последнюю роль, и сейчас рассматривается вопрос о создании стандартов платформенной занятости в рамках образовательных стандартов. С точки зрения платформенной занятости для студентов это возможность на практике попробовать себя в профессии, которую они в дальнейшем будут реализовывать. Проблема заключается в том, что многие, получив высшее образование, реализуют себя в другой области, осознав, что это не их сфера. Говоря о рынке труда и профессиях, необходимо использовать имеющиеся инструменты, которые будут востребованы. Система претерпевает определенные изменения, так как специалистов обучают 5–6 лет, а за это время изменяется ситуация на рынке труда и актуальность профессий, и человек после окончания вуза понимает, что его специальность уже не востребована. Так в России было с экономистами и юристами,

большое количество которых мы выпустили, а сейчас они не востребованы. То же самое сегодня происходит с айтишниками — на данный момент это самая популярная профессия, но через 3–5 лет произойдет перенасыщение рынка. Нужно следить за трендами и адаптировать образование к современному рынку труда.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Приглашаю к микрофону кандидата экономических наук Андрея Михайловича Александрова.

А. М. АЛЕКСАНКОВ: — Я хотел бы обратиться прежде всего к студентам. Пройдет несколько лет, и вы будете принимать решения, от которых будет зависеть наша жизнь.

Выскажу несколько пожеланий. Первое — по поводу национального экономического характера и национальной ментальности почитайте книги Н. А. Кричевского, в частности «Наследие противоречий. Истоки русского экономического характера», где подробно и доступно описывается, кто такие русские, как они жили и почему ведут себя так, а не иначе.

Второе пожелание: прочитайте статью Д. С. Лихачева «Что есть истина». Смысл в том, что истина у каждого своя, и то, что мы так или иначе выражаем, — лишь наше отражение, а любое отражение нужно уважать и принимать таким, какое оно есть, потому что это лишь один из многих взглядов на мир. Каждый из нас является носителем своего взгляда на мир, что имеет прямое отношение к экономическим моделям, которыми вы мыслите.

Люди более старшего возраста имеют опыт проживания и деятельности в другой экономической модели и в рамках другой ментальности. Поэтому то, где и как вы живете, в некотором роде навязано извне — это лишь одна из моделей, имеющая определенную цель. Никто не сказал, что не может быть других моделей. Хотите вы того или нет, но вам придется выбрать из скорлупы, в которой, конечно, удобно находиться. Следует применить управленческий метод, когда изнутри все замечательно, но понять, что происходит, можно, только лишь посмотрев со стороны.

Что же происходит? Китайская мудрость гласит: «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен». Сегодня в одной точке сошлось несколько кризисов, один из них — кризис доминирования. Так в истории случалось уже не раз. Примером может послужить история развития различных систем: Междуречье, татаро-монгольское иго, Римская империя. Все они развивались по одним законам: расширение, которое достигало определенного предела возможностей, наступал кризис элит, и империи рушились.

Сейчас мы наблюдаем кризис доминирования, который, к сожалению, возник в силу человеческого несовершенства. Животный мир в этом плане рациональнее: хищник никогда не будет убивать другое животное ради убийства или расширения своего влияния, потому что ему так хочется. Он будет убивать до тех пор, пока не удовлетворит свои потребности в еде. Человек — другое существо, он останавливается только тогда, когда сталкивается с кризисом.

На сегодняшний день система доминирования перестала быть управляемой, потому что стала слишком сложной, то есть начался кризис системы. Не следует думать, что Соединенные Штаты Америки плохие, в 2011 году мы были готовы дружить с ними. Я входил в состав делегации от российских университетов в США, когда было стратегически важно развивать отношения. Кризис доминирования обусловил такое состояние, когда дальше управлять системой стало крайне дорого и сложно. Системный кризис заключается в том, что система управления по своей сложности перестала соответствовать системе отношений. И только так к этому надо относиться.

Спустя некоторое время, когда вы окончите вуз и начнете работать, вы будете принимать управленческие решения и жить в рамках другой экономики. Она будет другой, и именно так к этому надо относиться.

Второй кризис — кризис эффективности капитала, который демонстрируют даже номинальные показатели. Такой показатель, как ВВП, несовершенен, но других нет, хотя на эту тему сейчас ведутся дискуссии. Может быть, кто-нибудь из присутствующих здесь станет автором новой теории оценки валового национального продукта, например через энергетические показатели. Цифры свидетельствуют, что Европа пробуксовывает даже по тем методикам, которые существуют на сегодняшний день, — это менее 1 % в среднегодовом исчислении. То есть модель, в которой мы живем, не развивается, и дальше двигаться становится сложно. В этом плане следует быть осторожнее с инновациями: 5–7 лет назад было модно говорить о новых технологиях и циклах Кондратьева, но необходимо думать о цене инновационного продукта и о том, нужны ли потребителю сложности, которые несут инновации.

Важный социальный аспект, который следует учитывать при развитии инноваций, — чем будут заниматься люди и какое место они займут в инновационном обществе. Об этом нужно думать уже сегодня. Мы не привыкли мыслить категориями длительных периодов, но это необходимо.

Если мы посмотрим основные экономические параметры в динамике за нескольких сотен лет, то увидим интересную картину. До XX века линия развития была практически горизонтальной. В начале XX века начался экспоненциальный рост, то есть движение, близкое к вертикальному. Это касается таких экономических параметров, как численность населения, количество изобретений, объем потребляемой человеком энергии, количество информации и пр.

Произошел переход в экспоненциальную фазу, и сейчас мы близки к точке перехода и принятия решений. Дальше двигаться вверх нельзя, система не выдержит этого, что вызовет состояние кризиса. Стратегия бесконечного роста напоминает рост раковых клеток, об этом надо помнить.

В подобной ситуации возможно несколько сценариев развития. Первый вариант: движение по экспоненциальной кривой вверх — это движение в сторону инклюзивного капитализма немецкого экономиста Клауса Шваба, в котором будет жить и владеть всеми ресурсами только 1 млрд населения на Земле. Второй вари-

ант: бельгийский математик Пьер Ферхюльст, который исследовал развитие популяций животных, предположил, что переход на горизонтальный участок будет плавным и будет зависеть от тех решений, которые вы будете принимать. Третий сценарий: обвал в этой точке (темные времена, спад до крайне низкого потребления и пр.), а дальше движение по горизонтальной медленно возрастающей прямой развития.

К сожалению, первый и третий сценарии кажутся наиболее вероятными. Хотелось бы, чтобы вы принимали решения, которые обеспечат развитие по второму сценарию — плавный переход на горизонтальный участок. Но здесь от вас потребуется новое мышление — не только материальными категориями, но и с учетом социального и духовного развития, когда базовые ценности станут неотъемлемой частью экономики. Только тогда вы сможете стать счастливыми, а также ваши дети и родители.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — К микрофону приглашается кандидат экономических наук Евгения Сергеевна Садовая.

Е. С. САДОВАЯ: — Когда я готовилась к выступлению, во мне боролись две ипостаси — гражданин и научный работник, и первая в итоге победила, поэтому я обращаюсь не к коллегам, а к студенческой аудитории.

Уважаемые студенты! Вы в любом случае будете анализировать ту реальность, с которой вам придется сталкиваться — не важно, на уровне госуправления или компании. Нужно понимать, что все наши усилия направлены на то, чтобы понять будущее. Кто его предвидит, тот и выигрывает, потому что принимает правильные решения. Но как предвидеть будущее? Мы сейчас находимся в точке перелома, и, к сожалению, тот инструментарий, который человечество наработало на протяжении многих веков, сегодня перестает работать. Мы сами для себя придумали такие инструменты, как эффективность, демография, демократия, ВВП, и с помощью сформировавшегося понятийного аппарата можем говорить на одном языке, дискутировать и понимать, о чем идет речь. Но все эти понятия сейчас расплзаются, как ветхая ткань, и перестают отражать меняющуюся действительность. Закончилась эпоха, которая длилась 500 лет. Как же в этой ситуации предвидеть будущее?

В ходе дискуссии был задан очень хороший вопрос по поводу менталитета. Менталитет любой нации определяют два ключевых параметра — история и география. Как ни странно, история — это и есть наука о будущем. Есть одна очень популярная во всем мире книга, в которой написано: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». Я думаю, вы понимаете, о какой книге я говорю. Действительно, все, с чем человечество сталкивается сейчас, уже когда-то случалось. В XV веке, когда Колумб открыл Америку и оттуда в Европу хлынули потоки дешевого серебра и золота, Испания сделала таким же гегемоном, каким сегодня являются Соединенные Штаты. А гегемон не может производить

ничего, кроме мировой валюты, все остальное ему производить невыгодно. И точно так же, как сегодня из США, все производства из Испании перекочевали в соседние страны, и так же были пройдены все стадии возвышения и упадка.

А в XVI веке в Голландии, в период первоначального накопления капитала, люди вкладывали лишние деньги в луковицы тюльпанов и, передавая наследникам это богатство, полагали, что обеспечивали своих детей и внуков. К чему это привело, вы тоже знаете. Поэтому важно понимать историю и географию. Не нужно объяснять, что такое морская держава, контролирующая водные пути, и сухопутная держава, обладающая контролем над транзитными путями через свою территорию. Я понимаю, что у вас прекрасные преподаватели, которые учат вас передовым разработкам, маркетингу, экономической теории, анализу и пр. Но не забывайте приобщаться к самым широким пластам мировой культуры и изучать историю не для того, чтобы запомнить какие-то даты, а чтобы понимать процессы, которые лежат в основе исторических событий.

Чтобы мое выступление не казалось абстрактным и далеким от реальности, скажу о том, как все это преломляется в жизни. Мы говорили о широком распространении платформенной занятости и о том, что это большая социальная проблема. Раньше человек заключал трудовой договор, нанимался на работу, у него была запись в трудовой книжке. А сейчас возник термин «приклепашки»: сегодня работник прикрепился к одной платформе, поработал там в службе доставки, а завтра уже трудится переводчиком на другой платформе. А, собственно, в чем здесь проблема? — спросите вы. Проблема в том, что на привычной системе трудового найма базировался такой важнейший концепт ушедшей эпохи, как социальное государство. Работник нанимался к работодателю, и тот обязался страховать его социальные риски, выплачивать пенсию. Все это было взаимосвязано. Сейчас произошел разрыв этих связей, и все пытаются идентифицировать нового работодателя: где он, кто он? Сегодня все это очень легко решается с помощью цифровых технологий. Не важно, в какой стране находится работодатель, — все налоги могут быть уплачены. Но дело в том, что экономия на социальных издержках — это единственная возможность для бизнеса выживать в условиях рынка, который сокращается в силу того, что достиг пределов своего расширения. Значит, мы будем переходить к какому-то другому типу социальной политики. И какие могут быть варианты? Например, архаизация, при которой за социальное самочувствие отвечает семья. Или какой-то опыт того времени, когда мы жили в другой социальной системе. Мне хотелось протянуть эту цепочку, чтобы вы понимали, как подходить к анализу будущего, потому что оно действительно в ваших руках. Мы на вас очень надеемся.

Н. Н. НИКУЛИН: — Евгения Сергеевна, скажите, пожалуйста, как на эту новую социальность влияют понятия «гиг-экономика» и «прекариат»?

Е. С. САДОВАЯ: — Большое спасибо за вопрос. Гиг-экономика — это другое название цифровизированной платформенной экономики. Она имеет много разных названий, это одна из ее ипостасей. А прекариат — тот новый класс, который рождается взамен исчезающего среднего класса. Важно понимать, что в реальной жизни нет никакой экономики, политики, социальной сферы — это все единая социальная динамика. Люди придумали для себя эти концепты, чтобы проще было принимать реальность, но на самом деле все это невозможно разделить, поэтому, когда мы говорим, что средний класс исчезает, это не только о том, что люди становятся беднее. На среднем классе базировалось все: медицина, здравоохранение, туристический бизнес. Даже демократия возможна только при наличии среднего класса. Без среднего класса рухнет вся система.

Н. Н. НИКУЛИН: — Слово предоставляется профессору Татьяне Владимировне Чубаровой.

Т. В. ЧУБАРОВА: — Уважаемые коллеги, дорогие ребята, я очень рада снова всех вас видеть. Вчера на пленарном заседании речь шла о том, каким будет мир будущего — однополярным или многополярным, сколько будет полюсов притяжения и какими характеристиками должна обладать страна, претендующая на роль одного из этих полюсов. Большинство участников, не сговариваясь, отметили, что первая важная характеристика такой страны — это, конечно, экономические возможности, вторая — наличие значительного населения. В свете сегодняшней дискуссии и в продолжение апелляции к молодежной аудитории мне бы хотелось сказать, что нам нужно не смотреть на другие полюсы, а работать над тем, чтобы наша страна сама стала одним из этих полюсов многополярного мира. Не важно, сколько их будет — два, три или десять, — Россия должна стать одним из них. И я думаю, у нас есть все объективные предпосылки для этого.

На пленарной дискуссии много говорили о диалогах, конфликтах, измерении ВВП. Тут очень важную роль, как мне кажется, играют методы, которыми мы пользуемся. Я бы предложила вместо слов «диалог» и «конфликт» использовать более емкое понятие «диалектика». Я вам советую прочитать работу В. И. Ленина «К вопросу о диалектике» — вы все поймете. Тем же, кто боится так называемого совка, хочу сказать: диалектика — это не изобретение Ленина, это понятие идет еще от Гегеля и других замечательных философов прошлого. Во-первых, диалектика дает нам методологию познания и требует обоснованности: не просто говорите, что мы станем полюсом силы, а объясните научно, почему будет именно так. Во-вторых, она позволяет нам обобщить, определить направления движения. Само слово «диалектика» подразумевает развитие. Это не просто обмен мнениями, когда мы расходимся в разные стороны, оставаясь каждый при своем. Диалектика — это взаимодействие и движение в каком-то общем направлении. Поэтому с точки зрения формирования методологии мне это представляется крайне важным моментом.

Хочу сказать несколько слов о глобализации. Есть немало специалистов, которые считают, что она уже в прошлом. В нашем институте группа молодых ученых написала монографию, в которой они доказывают, что глобализации пришел конец. Мы, старшее поколение, с ними спорим, считая, что речь может идти либо об отказе от глобализации, либо о ее изменении. Тем не менее вопрос остается открытым: что же все-таки будет с глобализацией? Важный момент — ее результаты. Мы четко понимаем, каковы они для золотого миллиарда. Но мы также должны понимать, что есть страны и народы, которые живут в совершенно другой реальности. Мир очень разный, и результаты глобализации в разных странах, среди разных слоев населения различаются. Посмотрите, например, фильм Тигра Касаяна «Президент и его внучка». Президент говорит девочке: «Открой компьютер», а та отвечает: «У меня его нет». И он в недоумении: «Как же так? Компьютеры есть у всех». К сожалению, это далеко не так.

И еще одна очень важная тема — отношения человека и экономики. Одни считают, что экономика работает на человека, что человек рационален и действует так, чтобы во всех сферах были соблюдены его интересы. Другие утверждают, что человек в экономике используется как ресурс, что его рациональность ограничена, он не всегда понимает, что делает, и его нужно учить. В частности, таким подходом отличается платформенная занятость. Я бы рассматривала взаимоотношения человека и экономики сквозь призму человеческого потенциала. Во-первых, в потенциале я вижу синергию. Во-вторых, потенциал — это, на мой взгляд, возможность проявить себя во всех сферах общественной жизни. Поэтому не только для государства, но и для общества крайне важно создавать социально-экономические условия для того, чтобы человек смог реализовать свой потенциал, проявить синергетический эффект.

В заключение я бы хотела отметить два современных явления, основанных на доверии к человеку. Первое — концепция базового дохода, совершенно новый подход к социальной защите. Многие его критики утверждают, что если люди будут получать деньги, то они не станут работать. Я же считаю, что человек — существо разумное и сделает правильный вывод. И второй момент, который сегодня активно обсуждается, — это переход на четырехдневную рабочую неделю. Я полагаю, что эти два совершенно новых в социальной защите и социальном обеспечении направления позволяют раскрыться тому творческому потенциалу, который заложен в человеке и необходим и обществу, и экономике.

М. М. ХАЙКИН: — Татьяна Владимировна, скажите, почему Вы в название своего доклада вынесли такое понятие, как «человеческий потенциал»? Обычно же говорят о человеческом капитале.

Т. В. ЧУБАРОВА: — Конечно, концепция человеческого капитала сейчас доминирует. Это, в частности, объясняется наличием более четких расчетных по-

казателей. Сейчас в экономике принято все высчитать, и человеческий капитал в расчетных показателях представить себе гораздо проще. Но я сознательно исхожу из понятия «человеческий потенциал» — именно в силу того более широкого подхода к человеку и его роли в современном обществе, о котором говорила.

Н. Н. НИКУЛИН: — Слово предоставляется профессору Геннадию Александровичу Гончарову.

Г. А. ГОНЧАРОВ: — Глобальные перемены, вызванные геополитическим переделом мира, переформатированием мирового экономического порядка, несут ряд угроз для российской экономики. И первая из них — отставание от лидирующих экономик мира в технологиях и производительности труда. Мы знаем, что наши противники хотели бы экономически ослабить Россию настолько, чтобы в конечном итоге она распалась на несколько государств и стала неконкурентоспособна. Вызовы, стоящие сегодня перед Россией, прекрасно понимают и ученые, и власти, поэтому в стратегических документах, определяющих социально-экономическое развитие страны, ставится задача ускорения темпов экономического роста выше среднемировых (3 %). Достичь этих показателей пока не получается, хотя в начале 2000-х годов у нас был период, когда темпы роста экономики достигали 7 %.

По мнению экспертного сообщества, основной причиной невыполнения планов и программ, которые устанавливаются указами президента, постановлениями правительства и национальными проектами, является не недостаточность усилий, а та экономическая модель, которая использовалась на протяжении всего периода автономного плавания российской экономики после распада Советского Союза. Эта модель работала следующим образом: сверхдоходы, которые получала Россия от экспорта нефти и газа, изымались из экономики и направлялись в фонд национального благосостояния, призванный сформировать достаточный запас прочности. В последние годы некоторые отрасли российской экономики, являющиеся высококонкурентными, например сельское хозяйство или строительство атомных электростанций за рубежом, также дают сверхдоходы. Эта модель позволила нам выбраться из долговой ямы Международного валютного фонда, а после противостоять санкциям, поддерживать системообразующие предприятия и малый и средний бизнес в период карантинных ограничений. Модель прекрасно показала себя в плане стойкости, возможности выдерживать санкционные и другие удары, и все — и экономический блок правительства, и министерство финансов — привыкли к такому положению дел. Однако, по мнению большинства экспертов, к которым я присоединяюсь, данная модель не способна обеспечить ускоренный экономический рост. Сегодня уже понятно, что ее нужно менять.

Есть программы структурной трансформации до 2024 и 2030 годов, ставится задача к 2024 году увеличить темпы роста производительности труда до 3 % в год, а к 2030-му ускорить развитие промышленности,

в частности на 70 % увеличить долю неэнергоэкспортных отраслей и отраслей промышленности глубокой переработки. Производительность труда у нас сегодня в 2,5–5 раз ниже, чем у развитых экономик мира, и чтобы догнать их, потребуются не менее 10–15 лет. Но эти темпы роста не позволят обеспечить отсутствие инвестиций — а мы знаем, какой на протяжении последних 9 лет была динамика иностранных инвестиций в российскую экономику: отток иностранного капитала рос, а приток в лучшем случае находился на том же уровне, а в худшем — снижался.

Поэтому для того чтобы успешно завершить структурную модернизацию российской экономики, необходимо найти мощные источники инвестиций. Деньги из фонда национального благосостояния должны инвестироваться. На протяжении ближайших 5 лет около 70–80 трлн рублей необходимо вложить в наукоемкие отрасли промышленности. Необходимо усовершенствовать механизм государственно-частного партнерства и привлекать больше инвестиций не только в такие крупные проекты, как Западный скоростной диаметр или Олимпийский парк в Сочи, но также в малый и средний бизнес. Кроме того, необходимо развивать фондовый рынок, привлекать средства населения. Иными словами, нужно менять саму модель развития — так, чтобы она предполагала создание и развитие емкого внутреннего рынка, и переориентировать российский экспорт с топливно-сырьевых товаров на высокотехнологичные. Но это невозможно без серьезных инвестиций в экономику.

Макар КОВТУНОВ, III курс, экономический факультет: — Геннадий Александрович, каким Вы видите дальнейшее развитие России?

Г. А. ГОНЧАРОВ: — Если мы не будем ускоряться, то отстанем еще больше и можем на десятилетия, если не на столетие остаться топливно-сырьевым придатком. И не имеет значения, что у нас разорваны отношения с Евросоюзом и мы перестали экспортировать туда газ и нефть. Мы можем точно так же стать топливно-сырьевым придатком Китая или бурно развивающихся стран АСЕАН. Поэтому нам нужно думать об ускоренном развитии высокотехнологичных отраслей российской промышленности, создавать отечественные ИТ-продукты, развивать эту отрасль, которая еще находится в зачаточном состоянии, и возрождать те, которые были практически уничтожены (например, самолетостроение), а также усиливать свои позиции в космосе. А самое главное — нужно отойти от старых позиций, которых придерживались и экономический блок, и олигархи, то есть люди, фактически принимавшие решения по вопросам экономического развития России, и начать развивать отечественную экономику, во-первых, ориентируя российскую промышленность на емкий внутренний рынок, который еще нужно создать; во-вторых, переориентируя экспортно-импортную деятельность и существенно увеличивая ее масштабы. К примеру, товарооборот с Китаем в скором времени планируется довести до 200 млрд долларов в год.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Слово предоставляется профессору Григорию Феликсовичу Фейгину.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — В нашей дискуссии часто звучит мысль о том, что мы должны перейти к иному миру, более справедливому, многополярному. Почему одни страны — развитые — живут хорошо, а другие, например африканские, поставляющие сырье, без которого не могут производиться самые высокотехнологичные товары, — плохо? Это несправедливо. Но меня, как экономиста, больше волнует следующий вопрос: каким образом и почему это может измениться в ближайшее время? Наверное, мало захотеть. То же самое касается суверенной экономической политики: мы говорим, что не должны никого копировать, делать что-то по навязанным нам лекалам, нам нужно строить самостоятельную, эффективную, более подходящую нам систему. Но, опять же, одно дело — заявить и совсем другое — воплотить.

Еще сегодня прозвучало интересное мнение, что современные параметры — ВВП и прочее — несовершенны, они не отражают реальность. Но не случится ли так, что мы придумаем другие показатели, получим с их помощью представление о реальности, но и оно не будет более адекватным? С моей точки зрения, все-таки для осмысления всех этих процессов нужно использовать существующие достижения экономической науки. И я думаю, что одна из возможностей осмысления современного глобального конфликта на основании достижений экономической науки — это изучение проблемы постиндустриальности и деиндустриализации.

Мы все знаем, что такое постиндустриальное общество, в котором доминирует сфера услуг, общество, которое мы называем «экономикой знаний», общество цифровизации. Глобальные структурные преобразования сегодня, в частности, связываются именно с постиндустриализмом, и до недавнего времени это воспринималось позитивно, как естественный поступательный процесс. Но в последние годы часто употребляют термин «деиндустриализация», имеющий негативный оттенок. Действительно, деиндустриализация рождает проблемы, например теряется потребность в рабочих профессиях (а они всегда имели определяющее значение), страны начинают зависеть от импорта. Но в разных странах причины деиндустриализации различны. В развитых странах, например в США, это перенос производства за рубеж. В России и странах Восточной Европы деиндустриализация связана с тем, что промышленность, созданная в СССР, оказалась не готова к рыночным механизмам и была вытеснена, причем не только в России: Восточная Германия в настоящее время производит крайне удручающее впечатление, в том числе и потому, что там прекратилось промышленное производство и опустели города. Я думаю, что проблема деиндустриализации — это одна из причин, почему Запад так жестко поставил себя в оппозицию и к России, и к Китаю и оказался в некоторой степени заинтересован в глобальном конфликте. Но для России важен, конечно, шоковый вызов. Да, у нас не 10 % спада экономики, а только 2 %. Но можно ли это

считать успехом? И сможем ли мы реально создать в этих условиях предпосылки для инновационного развития? Это большой вопрос.

И последнее — по поводу глобализации. Говорят, что она закончилась. Но, с моей точки зрения, Россия не провалилась во многом благодаря тому, что глобализация очень сильна. Появляется замещение: можно покупать те же товары не в Европе, а в Турции, Египте. Это говорит о том, что глобализация создала очень большой задел, который, конечно, так быстро не разрешится.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Приглашаю выступить профессора Николая Николаевича Никулина.

Н. Н. НИКУЛИН: — Я исхожу из того, что Россия находится в сырьевой колее, из которой никак не выберется. Поэтому самое важное — это экспорт сырья, импорт оборудования. Второе: В. В. Путин сказал, что санкционное давление на Россию — технологическое, экономическое, политическое — в дальнейшем будет только усиливаться, и как долго — мы даже не знаем. Очевидны попытки добиться того, чтобы российский экспорт, являющийся основой нашего импорта, был все менее необходим остальному миру. Это одно из направлений, которое приведет к тому, что российский импорт будет сокращаться. СВО серьезным образом коснулась экономики. Нам необходимо менять свою экономическую модель, переходить к модели индустриализации 2.0, то есть развивать ту индустриализацию, которая была в 1930-е годы. Что касается политики импортозамещения, то она обязательно предполагает замещение потребительских товаров. Пока мы на это не согласимся, никакого импортозамещения путем внутреннего производства происходить не будет. Пойдем мы на это или нет? Именно от ответа на этот вопрос зависит дальнейшее развитие нашей экономики, потому что либо Россия будет при импортозамещении и производстве внутренних товаров, либо ее не будет вовсе.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Слово предоставляется профессору Марку Михайловичу Хайкину.

М. М. ХАЙКИН: — Во-первых, как представитель Санкт-Петербургского горного университета, со всей ответственностью хочу сказать, что потребность в природных ресурсах, в минерально-сырьевом комплексе сохранится на долгие годы, и это не какие-то досужие рассуждения, а оценки самых авторитетных экспертов. Это надо понимать, как и то, что продажа нефти, газа и других полезных ископаемых — очень серьезное конкурентное преимущество, данное нам Богом, природой, и отказываться от него было бы неправильно. Но в то же время действительно необходима диверсификация экономики, не отказ от добычи, а увеличение объемов в структуре экспорта, рост процента продукции с более высокой добавленной стоимостью, то есть произведенной по передовым технологиям. Необходимо повышать конкурентоспособность отечественной продукции.

Во-вторых, что касается опережающего роста производительности труда по сравнению с ростом заработной платы. Да, мы все прекрасно знаем этот закон: без роста производительности общественного труда не решить основные народно-хозяйственные задачи. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что хозяйственная жизнь общества гораздо сложнее, чем серийное массовое производство; есть очень много интеллектуальных направлений деятельности в сфере услуг и культуры. Но главное, о чем я хотел сказать: рост производительности общественного труда в интеллектуальной, творческой деятельности приобретает иррациональную форму, и мы не должны об этом забывать. Простой пример: что будет, если перед хирургом, который совершает сложную операцию, поставить песочные часы? Если ученому, который занимается разработкой чего-то принципиально нового, постоянно ставить сроки, к чему он будет стремиться — к тому, чтобы довести запланированную работу до должного уровня, или к тому, чтобы уложиться в срок?

В-третьих, мы услышали много пессимистичных прогнозов. Да, времена нынче очень непростые. Но «времена не выбирают, в них живут и умирают». И мне бы все же хотелось сегодняшнюю секцию завершить на оптимистической ноте. Прочитую Карла Маркса: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин,

кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам».

В заключение хочу сказать, что дискуссии, которые ежегодно организует Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзом, крайне полезны. Я уверен, что присутствующим здесь не безразличны обсуждаемые темы, и даже подсознательно, на уровне интуиции, все вы рано или поздно будете возвращаться к тем животрепещущим вопросам, которые здесь сегодня поднимались.

Хочу пожелать всем нам, и в первую очередь нашему молодому поколению, не страшась усталости, карабкаться по каменистым тропам, и не только в науке, но и в практической деятельности. За вами будущее, и вам придется принимать жизненно важные решения. Сейчас нам всем, и особенно вашему поколению, как никогда важно развивать критическое мышление. Свобода личности заключается в том, что все мои неудачи — именно мои: это я где-то недосмотрел, я оказался недостаточно профессиональным, я сам, а не общество, система или друг, который меня подвел. Это очень важно с точки зрения развития свободы личности и экономического мышления.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Спасибо, Марк Михайлович. Я тоже от нашей кафедры, которая была организатором этой секции, благодарю всех присутствующих за плодотворную работу.